

Оглавление

Вместо предисловия.....	5
Глава I. О теории сверхтекста.....	6
О дефиниции сверхтекста (С. О. Курьянов).....	6
Ассоциативно-смысловой сверхтекст (С. О. Курьянов, Н. П. Иванова, В. В. Курьянова) ...	8
Ядро ассоциативно-смыслового сверхтекста.....	8
Структурные элементы ассоциативно-смыслового сверхтекста	9
Понятие мифа как основы структурно-семантической организации сверхтекста.....	9
Миф и концепт.....	12
Миф и мотив.....	12
Миф и тема	13
Миф и архетип.....	14
Миф и символ.....	14
Миф и интертекст	14
Виды ассоциативно-смысловых сверхтекстов по типу референта	15
Именной сверхтекст.....	15
Событийный сверхтекст	16
Топический (пространственный) сверхтекст	17
Субтекст и его роль в ассоциативно-смысловом сверхтексте	18
Текстовое единство как сверхтекст (С. О. Курьянов, И. В. Александрова, Н. П. Иванова, В. В. Курьянова).....	19
Текстовое единство: общие замечания и вопросы границ.....	19
Ядро текстового единства	23
Структурные компоненты текстового единства.....	24
Структурные компоненты собственно-авторского текстового единства.....	25
О «предельно-минимальной форме» текстового единства.....	25
Цикл	27
Лирический цикл.....	27
Цикл рассказов (повестей)	28
Авторский сборник	31
Структурные компоненты коллективно-авторского текстового единства.....	33
Глава II. Сверхтекст: вопросы выделения и описания	35
Ассоциативно-смысловой сверхтекст	35
Именной сверхтекст	35
Персонический текст	35
Пушкинский текст: крымский аспект (Н. П. Иванова).....	35
Пушкинский текст в творчестве В. В. Набокова (Е. К. Беспалова, Л. Р. Шмигельская).....	45

Достоевский (анти)текст в произведениях В. В. Набокова (Е. К. Беспалова, Л. Р. Шмигельская).....	53
Толстовский текст в поэме Д. Бурлюка «Великий кроткий большевик» (В. В. Курьянова)	60
Персонажный текст.....	69
«Лизаветин текст» в творчестве Ф. М. Достоевского (Г. А. Зябрева).....	69
Каренинский текст в русской литературе (В. В. Курьянова).....	86
Событийный сверхтекст.....	93
Казуальный текст	93
Текст Гражданской войны в русской литературе 1917–1920-х годов (Е. Ю. Лисицына)	93
Эпохальный текст	108
Текст пушкинской литературной эпохи в «Записках» Н. А. Маркевича (С. О. Курьянов).....	108
Текст сталинской эпохи в прозе Гузель Яхиной (И. Н. Ломакина).....	117
Викторианский текст в английской постмодернистской литературе (Л. В. Бондаренко).....	125
Топический (пространственный) сверхтекст.....	136
Локальный текст	136
Художественная экспликация концепта «Лондон» в творчестве Питера Акройда (Е. В. Полховская, Е. Н. Мазина).....	136
Нью-йоркский текст в прозе Дона Делилло (И. Н. Ломакина).....	157
Региональный текст.....	164
Об украинском тексте в русской литературе («Украинские мелодии» Н. А. Маркевича) (С. О. Курьянов).....	164
Крымский текст в творчестве Эдуарда Лимонова (А. П. Машенко).....	173
О взаимодействии локального и регионального текстов.....	182
Соотношение локального и регионального сверхтекстов: бахчисарайский и крымский тексты (Н. П. Иванова)	182
Текстовое единство.....	186
Индивидуально-авторские текстовые единства и их варианты	186
Цикл и несобранный цикл.....	186
Повествовательные циклы в русской литературе первой половины XIX века (И. В. Александрова).....	186
Заключение.....	201
Список использованных источников	203
Авторы монографии.....	221

Вместо предисловия

Данная монография не претендует на роль труда, окончательно решающего все проблемы, связанные с исследованием сверхтекстов. Вероятно, возникнут и иные точки зрения. Наш авторский коллектив будет благодарен за отклик и конструктивную критику приведенных в монографии научных утверждений. Мы ждём предложения иных ракурсов взгляда на проблему сверхтекста в разных его проявлениях.

К понятиям теории сверхтекста, требующим в настоящее время уточнения, на наш взгляд, относятся вопросы о *дефиниции* сверхтекста, разграничении понятий *ассоциативно-смыслового сверхтекста* и *текстового единства*, понятия *ядра сверхтекста* и *структурных компонентов сверхтекста*, а также вопрос о проблемах *разграничения сверхтекстов по типу референта*, от решения которых зависит сегодня ясность в выявлении, классификации и интерпретации сверхтекстов.

Монография создана коллективом авторов-литературоведов Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», а также ученых-литературоведов иных подразделений КФУ при деятельном участии руководства Института филологии.

Пользуясь случаем, выражаю благодарность всему авторскому коллективу за усердную, внимательную и заинтересованную работу над одним из важнейших направлений современных литературоведческих исследований. А также благодарю коллектив и руководство Института филологии КФУ им. В. И. Вернадского за поддержку.

С. О. Курьянов,
доктор филологических наук

Глава I. О теории сверхтекста

О ДЕФИНИЦИИ СВЕРХТЕКСТА

Современная теория сверхтекста, выросшая из лотмановской идеи «текста культуры», получившая свое начало в исследованиях Петербургского текста, предпринятых В. Н. Топоровым¹, и оформившаяся благодаря работам целого ряда исследователей (среди которых необходимо особо отметить А. Г. Лошакова, впервые подробно разъяснившего и систематизировавшего ключевые понятия, связанные со сверхтекстом²), требует сегодня не столько целостного её осмысления, сколько новой систематизации и уточнения понятий и границ их значений, обусловленных современным уровнем литературоведческих исследований.

Изучение сверхтекста — интерес общефилологический, но перед литературоведением и языкознанием (в рамках лингвокультурологии прежде всего) в этом плане стоят разные задачи, хотя бы потому, что языкознание изучает любые тексты (от магазинной вывески «Соки — воды» до объёмных романов), а литературоведение только художественные (или близкие к ним по происхождению тексты), отличающиеся большей замкнутостью в связи с тем, что они отражают не унифицированно-языковую, а индивидуально-авторскую картину мира.

После осознания учёными, что Петербургский текст не одинок и подобных текстуальных образований может быть множество, в результате осмысления данного явления возник термин *сверхтекст*, содержание которого в целом было описано. Сначала сверхтекст понимался как «*совокупность высказываний, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормативного/анормального*» (Н. А. Купина и Г. В. Битенская)³, затем как «*сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью*» (Н. Е. Меднис)⁴, и, наконец, как «*ряд отмеченных направленной ассоциативно-смысловой общностью (в сферах автора, кода, контекста или адресата) автономных словесных текстов, которые... актуально или потенциально предстают в качестве целостного, интегративного, диссипативного словесно-концептуального образования*» (А. Г. Лошаков)⁵.

Каждая дефиниция в отдельности и все в совокупности едва ли не полностью характеризуют, дополняя друг друга, тот тип сверхтекста, который мы называем *ассоциативно-смысловым*, и лишь отчасти касаются такого вида

¹ Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» / В. Н. Топоров // Семиотика города и городской культуры: Петербург / Труды по знаковым системам. — Тарту, 1984. — Вып. XVIII. — С. 3–29; Топоров В. Н. Петербургский текст / В. Н. Топоров; Отделение историко-филологических наук РАН. — М.: Наука, 2009. — 820 с.

² Лошаков А. Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен: монография / А. Г. Лошаков. — Архангельск: Поморский ун-т, 2007. — 344 с.

³ Купина Н. А. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек — текст — культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. — Екатеринбург, 1994. — С. 215.

⁴ Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе / Н. Е. Меднис. — Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного педагогического университета, 2003. — С. 9.

⁵ Лошаков А. Г. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования / А. Г. Лошаков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008. — № 11 (66). — С. 102.

сверхтекста, как *текстовое единство*. В подавляющем большинстве случаев для ассоциативно-смыслового сверхтекста константна, по утверждению Н. Е. Меднис, *интегрированность*, основанная, по словам А. Г. Лошакова, на *ассоциативно-смысловой общности*; всё же остальное (вплоть до языковой общности, если, конечно, речь идёт о национальном языке) факультативно, поскольку объединение текстов в каждой отдельной группе случаев происходит на основе разных интеграционных процессов. Ассоциативно-смысловой сверхтекст, рождённый в рамках культурологического понимания, переносит свои свойства и на буквенный (словесный) текст, он столь же гетерогенен, как и текст культуры. Поэтому здесь становится важной *ассоциативно-смысловая общность* текстов, характерная как для воспроизводящего, так и для воспринимающего сознания, а также общность *единого культурного кода*, дающего возможность читателю воспринимать именно ту картину мира, которая создаётся сверхтекстом. Единение текстов в ассоциативно-смысловой сверхтекст происходит в воспринимающем сознании, то есть сознании читателя, а не в сознании интерпретатора, как обычно утверждается. Интерпретатор фиксирует этот процесс и расширяет границы сверхтекста в силу своих знаний и ассоциаций.

Поэтому можно утверждать, что ассоциативно-смысловой сверхтекст — это система интегрированных текстов, представляющая собой ассоциативно-смысловую текстовую общность, которая тождественно воспринимается авторским и читательским сознанием благодаря единому культурному коду.

Что же касается текстового единства, то из всех приведённых формулировок единственно значимым для его характеристики является определение Н. А. Купиной и Г. В. Битенской (полностью см. выше), а именно: «*совокупность высказываний... объединенная... ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта... с особыми критериями нормативного/анормального*»⁶. Из приведённой цитаты-дефиниции убраны слова, относящиеся к ассоциативно-смысловому сверхтексту, поскольку тексты в текстовом единстве далеко не всегда могут быть объединены содержательно, но всегда объединены в идейно-смысловом плане; тексты в текстовом единстве соплагаются с учётом адресата лишь отчасти, поскольку активным началом в текстовом единстве выступает замысел адресанта, именно он фиксируется и разъясняется исследователем; тексты в текстовом единстве ничем, кроме авторской воли (воли адресанта, по словам Н. А. Купиной и Г. В. Битенской), не ограничены и тем более не ограничены темпорально и локально. В данном случае адекватное восприятие сверхтекста происходит благодаря авторскому (составительскому, редакторскому) замыслу, если речь идёт об авторском цикле или авторском сборнике, либо благодаря составительскому или редакторскому замыслу, если речь идёт о составленных сборниках, альманахах или журналах.

Поэтому, видимо, следует дефиницию текстового единства сформулировать следующим образом: текстовое единство (сверхтекст) — это авторская (индивидуально-авторская или коллективно-авторская) система интегрированных текстов, которая характеризуется отчетливо выраженной единой модальной установкой и тождественно воспринимается авторским и читательским сознанием благодаря авторскому (составительскому, редакторскому) замыслу.

Что же касается общей для сверхтекста (ассоциативно-смыслового сверхтекста и текстового единства) дефиниции (если это вообще необходимо),

⁶ Купина Н. А. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек — текст — культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. — Екатеринбург, 1994. — С. 215.

то, по-видимому, она должна формулироваться следующим образом: *сверхтекст* — это система интегрированных текстов, которая характеризуется отчетливо выраженной единой модальной установкой (ассоциативно-смысловой или авторской) и тождественно воспринимается авторским и читательским сознанием либо благодаря единому культурному коду (ассоциативно-смысловой *сверхтекст*), либо авторскому замыслу (текстовое единство).

АССОЦИАТИВНО-СМЫСЛОВОЙ СВЕРХТЕКСТ

За работами В. Н. Топорова, посвященными выявлению и описанию Петербургского текста, последовали работы Н. Е. Меднис — о венецианском тексте в русской литературе и первая работа по теории сверхтекста⁷, затем исследования В. В. Абашева о пермском тексте⁸ и А. П. Люсого о крымском тексте в русской литературе⁹, развившие и закрепившие понятие сверхтекста. Свообразным итогом этого периода теоретического изучения сверхтекста стала докторская диссертация А. Г. Лошакова и его монография «Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен» (2007)¹⁰.

За последние полтора десятилетия накоплено достаточное количество новых суждений и мнений по интересующей нас проблематике, поэтому несомненно следует вновь обратиться к теоретическим вопросам, касающимся ассоциативно-смыслового сверхтекста.

Ядро ассоциативно-смыслового сверхтекста

Любой сверхтекст формируется вокруг своего ядра. «Каждый сверхтекст, — писала Н. Е. Меднис, — имеет свой образно и тематически обозначенный центр, фокусирующий объект, который в системе внетекстовые реалии — текст предстает как единый концепт сверхтекста. В роли такого центра для топологических сверхтекстов выступает тот или иной конкретный локус, взятый в единстве его историко-культурно-географических характеристик; для именных текстов определяющими оказываются характеристики культурно-биографические». И далее: «централизирующий внетекстовый фундамент <...> выступает как данность, <...> не подлежащая или слабо поддающаяся изменениям: Данте, Пушкин, Толстой, Венеция. Степень устойчивости этого фундамента [т. е. центра, ядра. — *Авторы*] во многом определяет возможность или невозможность возникновения восходящего к нему сверхтекста, разумеется, при его (фундамента) общекультурной значимости»¹¹. Ещё раз подчеркнём последнее: общенациональная, общекультурная, всемирная значимость концепта,

⁷ Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе / Н. Е. Меднис; отв. ред. Т. И. Печерская; Новосибир. гос. пед. ун-т, Ин-т филологии СО РАН. — Новосибирск: НГУ, 1999. — 392 с.; Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе: учебное пособие / Н. Е. Меднис; науч. ред. Т. И. Печерская; Новосибир. гос. пед. ун-т. — Новосибирск: НГПУ, 2003. — 170 с.

⁸ Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. — Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. — 404 с.

⁹ Люсий А. П. Крымский текст в русской литературе / А. П. Люсий. — СПб.: Алетейя, 2003. — 314 с.

¹⁰ Лошаков А. Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен: монография. — Архангельск: Поморский ун-т, 2007. — 344 с.

¹¹ Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе: учебное пособие [Электронный ресурс] / Н. Е. Меднис; науч. ред. Т. И. Печерская; Новосиб. гос. пед. ун-т. — Новосибирск: НГПУ, 2003. — URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=3> (дата обращения: 29.07.2022).

лежащего в основе ассоциативно-смыслового сверхтекста, должна быть несомненной, в противном случае сверхтекст состояться не сможет — он просто не будет формироваться и существовать в воспринимающем сознании. Особенность ядерного концепта сверхтекста прежде всего состоит в том, что он чаще всего является концептом внелитературным и только в редких случаях (об этом речь впереди) становится порождением самого литературного текста. Объясняется это экстралитературной сущностью пространства, личности, события, которые и становятся основой сверхтекста.

Структурные элементы ассоциативно-смыслового сверхтекста

Видовая особенность ассоциативно-смыслового сверхтекста (в отличие от другого вида сверхтекста — текстового единства, о чём речь ниже) состоит прежде всего в гетерогенности текстов, его составляющих. В. Н. Топоров писал о Петербургском тексте: «Как и всякий другой город, Петербург имеет свой “язык”. Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода *гетерогенный текст*, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте» (курсив наш. — *Авторы*)¹². Это культурологическое понимание сверхтекста, но в этом же определении подчёркнуто главное — возможность собирания в сверхтекст разнородных знаков, как, собственно, и собирание в филологический сверхтекст разнородных текстов: и текстов разных жанров, и текстов разных литературных направлений и эпох.

Что же сближает эти разнородные тексты? Благодаря чему они превращаются в воспринимающем сознании в сверхтекст?

«Петербург... и его... текст... — писал В. Н. Топоров, — принадлежат к числу тех сверхнасыщенных реальностей, которые немислимы без стоящего за ними целого и, следовательно, уже *неотделимы от мифа...*» (курсив наш. — *Авторы*)¹³. И продолжал: «Как некоторые другие значительные города, Петербург *имеет и свои мифы*, в частности, аллегоризирующий миф об основании города и его демиурге» (курсив также наш. — *Авторы*)¹⁴. Учёный очень точно подметил, что в основе образующегося в воспринимающем сознании сверхтекста лежит мифология — пространственная ли, именная ли, событийная ли, — но обязательно мифология. По сути, *ядро (культурно значимый концепт) и собираемые вокруг ядра мифологизированные элементы и образуют сверхтекст*.

Понятие мифа как основы структурно-семантической организации сверхтекста

Говоря о современном мифе, Е. М. Мелетинский писал: «Миф, возникнув в первобытную эпоху и отразив некоторые черты первобытного мышления, навсегда остается частично элементом коллективного сознания (что доказал и XX век, на который мы теперь можем оглянуться), так как он, миф, обеспечивает

¹² Топоров В. Н. Петербургский текст / В. Н. Топоров; Отделение историко-филологических наук РАН. — М.: Наука, 2009. — С. 658.

¹³ Там же. С. 644

¹⁴ Там же. С. 658.

“уютное” чувство гармонии с обществом и Космосом»¹⁵. Метафора об «уютном чувстве» указывает, конечно, на доступное для рядового (впрочем, не только для рядового) человека восприятие действительности через привычные, повторяющиеся образы и понятия, ставшие частью не столько коллективного сознания, сколько коллективного бессознательного. А вся высказанная мысль убеждает в том, что, по словам того же Е. М. Мелетинского, «некоторые черты мифологического мышления <...> сохраняются в массовом сознании, в политических идеологических системах, в художественной поэтической фантазии»¹⁶.

Поэтому не только архаический миф, не только эсхатологический или какой-либо другой могут собирать несколько текстов в свертхтекст. Структурно и семантически организуют свертхтекст также и те возникшие в поздние эпохи мифы (новые мифы, неомифы), которые рождались внутри литературных произведений или заимствовались их авторами из повседневности, закреплялись в воспринимающем сознании и переходили практически неизменно из одного произведения в другое. Неомиф, как и архаический (космогонический, эсхатологический) миф, сюжетен. Однако, если традиционный миф полностью является продуктом воображения и поэтому в известной мере фантастичен, то неомиф в нашем понимании непосредственно связан с действительностью, хотя и не лишён фантастического элемента, который появляется в результате сопоставления в воспроизводящем и воспринимающем сознании представляемого и реальности. Сюжетен событийный миф, поскольку сюжетно само событие. Сюжетен именной миф, который хоть и в изменённом виде, но воспроизводит человеческую жизнь. И, что существенно, сюжетен топический (пространственный) миф, поскольку жизнь пространства и его восприятие возможно только через жизнь людей, его населяющих, и событий, их (людей) сопровождающих. Разница в сюжетеке событийного, именного и топического мифов заключается в том, что событийный и именной мифы сюжетны линейно, что соответствует и ходу человеческой жизни, и ходу события, а топический миф сюжетен нелинейно — ризоматично: в нём независимо друг от друга могут существовать разные сюжеты одновременно, как взаимодействуя между собой (продолжая, проникая, отрицая и проч.), так и существуя независимо, объединённые «памятью пространства». Конечно, пространственный миф несёт эту «память», формируется (в том числе и в настоящее время) за счёт придания пространствам смыслов, которые собственно пространственными не являются. Это память о событии (давнем и не очень) или известной личности. По сути дела, это пространственные производные именных или событийных явлений, их субтексты¹⁷.

Составляющие неомифа являются не столько мифологемами (коль скоро мифологема — это часть архаического мифа), сколько константными представлениями, которые в силу своей повторяемости мифологизировались. Мы называем их *константными мифологизированными представлениями*. Но есть и еще более мелкие элементы неомифа — отдельные константные понятия, своеобразные *мифоконцепты*, обозначенные как правило отдельными словами или словосочетаниями.

Константное мифологизированное представление (КМП), чтобы выразиться определительно, есть соотносимое с действительностью, но

¹⁵ Мелетинский Е. М. Миф и двадцатый век [Электронный ресурс] / Е. М. Мелетинский // Сайт «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика». — URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky1.htm> (дата обращения: 29.07.2022).

¹⁶ Там же.

¹⁷ О субтекстах см. ниже.

видоизменённое в результате взаимодействия воспроизводящего и воспринимающего сознания сюжетное образование, которое либо в силу своей востребованности стало повторяемым в писательском творчестве и приобрело некоторые универсальные черты, либо в силу некоторой своей универсальности стало востребованным и повторяемым в ряде литературных произведений. Именно эти константные мифологизированные представления, подчеркивающие культурную специфику и значимость ядерного концепта, проявляясь в произведениях разных жанров, разной идейной направленности и художественной значимости, благодаря центростремительным процессам, становятся основой объединения текстов в единый сверхтекст.

Так, например, ядерным концептом для крымского текста является национально значимый концепт «Крым». Формирует крымский текст вокруг центра (ядра) крымский миф — многоаспектный миф, состоящий из ряда вариантов (миф о Крыме как святой земле — колыбели русского православия, миф о Крыме как восточной мусульманской стране, миф о Крыме как райском саде и т. п.). Эти варианты крымского мифа соответственно состоят из мифологем, но не традиционных мифологем как частей архаического мифа, а именно *КМП* как составляющих современного мифа. Например, в варианте крымского мифа о Крыме как святой земле — колыбели русского православия — основными (тектообразующими), но не единственными *КМП* (мифологемами) являются чудеса (святых епископов херсонесских Василия и Капитона, святого Климента, святых Козьмы и Дамиана, а также чудо исцеления святого Владимира в результате крещения, чудо явления святого Николая херсонесскому священнику Евстафию и проч.). За каждым из этих чудес стоит небольшой сюжет, что и делает их мифологемами (*КМП*). Крымский миф — топический (пространственный) миф, и несмотря на то, что названные *КМП* к пространству, казалось бы, непосредственного отношения не имеют, они тем не менее придают ему особенные черты, и топос начинает «читаться» воспринимающим сознанием как пространство, наделённое не только чертами святости, но и сюжетикой, которая его мифологизирует.

Тем более мифологизируется событие, поскольку само по себе является сюжетным. Вспомним, например, отчетливо «читаемый» в мировой литературе текст Великой французской революции, формируемый такими *КМП* как «Падение Бастилии», «Казнь Людовика XVI», «Смерть Марата», «Казнь Робеспьера», «Восхождение Наполеона» и проч. Ярким примером процесса мифологизации последнего из перечисленных *КМП* являются известные заголовки французских изданий: «1 марта 1815 года, среда: "Корсиканское чудовище высадилось в бухте Жюан". 7 марта 1815 года, вторник: "Людоед идёт к Грассу"» 11 марта 1815 года, суббота: "Узурпатор вошёл в Гренобль". 17 марта 1815 года, пятница: "Бонапарт занял Лион". 19 марта 1815 года, воскресенье: "Наполеон приближается к Фонтенбло". 20 марта 1815 года, понедельник: "Его императорское величество ожидается сегодня в своём верном Париже"»¹⁸. Способна мифологизироваться жизнь национально или культурно значимой личности — Гомера, Данте, Шекспира, Вольтера, Пушкина, Некрасова, Л. Толстого, Станиславского, Тарковского...

Мифоконцепт (МК) есть структурная единица *КМП*, мифема, хранящая в себе своеобразный «зародыш» — смысловую составляющую мифологизируемого

¹⁸ Махов С. «Полет Орла» над Францией [Электронный ресурс] / С. Махов // Сайт «Warspot.ru: Военное обозрение — военные материалы и последние новости военного мира». — URL: <https://warspot.ru/21249-polyot-orka-nad-frantsiey> (дата обращения: 19.01.2023).

сюжета. Так, мифоконцепт «Корсунь» (Херсонес) для крымского мифа есть отсылка и к чудесам семи святых херсонесских мучеников, и к обретению мощей Климента Римского, и к крещению князя Владимира и др. Мифоконцепт «виноград» есть неотъемлемая часть «райского» мифа о Крыме¹⁹, а мифоконцепт «опрощение» — часть толстовского мифа (мифа о Л. Толстом) и т. п.

Конечно, если, как замечал В. Н. Топоров, иметь дело со «сверхнасыщенной реальностью», которая способствует формированию сверхтекста, то возникает вопрос, почему основой сверхтекста является именно миф, а не концепт (вспомним что А. Г. Лошаков характеризует сверхтекст как «слоvesно-концептуальный феномен») или тема, мотив, символ? Или интертекст, который, несомненно, способен связывать тексты между собой? Наконец, всё из вышеперечисленного?

Миф и концепт

Если обратиться ко всему многообразию определений мифа, то можно увидеть, что их сближает указание на его повествовательное, а значит, сюжетное начало. В концепте же превалирует понятийность, а значит, бессюжетность. Возможно, эта понятийность и возникла в результате разворачивания определенных событий (сюжетов), однако это уже этимологическая составляющая, зачастую стершаяся из воспринимающего сознания, устойчиво сохраняющего тот самый «сгусток культуры» — концепт, по Ю. С. Степанову. Аксиологическая по своей природе понятийность концепта является следствием наслоения универсальных, национальных и индивидуальных ценностных ориентиров, причем первые две группы также пропущены сквозь призму индивидуального мировосприятия. То есть в ядерной зоне концепта располагаются универсальные представления (смыслы, ценности), околоядерной — национальные, а в периферийной — индивидуальные (в литературном смысле — индивидуально-авторские). Именно из-за своей универсальности концепт может быть ядром сверхтекста, но собирает разные тексты в единый сверхтекст только миф, продолжающий и разъясняющий своей сюжетностью национальные и индивидуальные (индивидуально-авторские) смыслы (ценности) концепта.

Миф и мотив

Мотив как «простейшая повествовательная единица»²⁰, «наименьший структурно-содержат. <ельный> компонент текста»²¹, «семантическая единица художественного языка»²² соотносится с мифом ровно так же, как с сюжетом. Поскольку миф сюжетен, то мотив может быть лишь его частью, он не заменяет сам миф (сюжет). К тому же, будучи семантической единицей конкретного текста, мотив (в литературе, но не в фольклоре!), в отличие от

¹⁹ См. об этом: Дроздова С. А. Мифоконцепт «виноград» в крымском тексте русских писателей и поэтов XIX–XX вв. / С. А. Дроздова, Н. П. Иванова // Современная картина мира: крымский контекст: коллективная монография: т. 3 / под ред. Г. Ю. Богданович. — Симферополь: Изд-во КФУ им. В. И. Вернадского. — 2020. — С. 124–143.

²⁰ Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — М.: Высшая школа, 1989. — С. 305.

²¹ Мотив [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. — URL: <https://bigenc.ru/literature/text/2234622> (дата обращения: 29.07.2022).

²² Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. — Т. 1: Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — С. 23.

мифа, не имеет свойств универсальности. А если иметь в виду возможность повторяемости мотива («мотив — любая единица сюжета (или фабулы), взятая в аспекте ее повторяемости»²³), что, несомненно, подчеркивает его значимость, то даже в таком случае мотив оказывается ограничен конкретным текстом и не может служить единению текстов в свертхтекст. Однако если мы имеем дело с мотивом мифологического сюжета, который формирует свертхтекст, в таком случае мотив также становится компонентом, формирующим свертхтекст.

Он не может стать таковым и с позиций более широкого терминологического толкования, на возможность которого указывали, в частности, А. П. Чудаков и И. В. Силантьев. Последний в работе «Поэтика мотива» (2004) дает многоаспектное определение указанного понятия: «а) эстетически значимая повествовательная единица, б) интертекстуальная в своем функционировании, в) инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях, г) соотносящая в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками»²⁴. Можно констатировать, что это определение обобщает выводы предшественников-исследователей мотива. К примеру, Б. М. Гаспаров в работе «Литературные лейтмотивы» (1994) утверждал, что «в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое "пятно" — событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и так далее, единственное, что определяет мотив — это его репродукция в тексте»²⁵. В этом смысле мотив безусловно выходит за рамки конкретного текста, но способным сформировать ту самую ассоциативно-смысловую текстовую общность, которой является свертхтекст, он сможет только в том случае, если в силу литературных или экстралитературных обстоятельств приобретёт черты константного мифологизированного представления, то есть обозначенные нами выше черты мифа.

Миф и тема

Термин *тема* (др.-греч. — то, что положено в основу; и отсюда тема рассматривается как основа художественного произведения) уже сам по себе указывает на то, что тема произведения может существовать лишь в рамках данного литературно-художественного текста. И всё же мы нередко употребляем словосочетания *военная тема, тема Родины, пушкинская тема, тема Петербурга* и т. п., которые, несомненно, являются объединяющими для групп произведений. Однако мы уверены в том, что слова *Родина, война, Пушкин* или *Петербург* лишь тогда будут иметь объединительные свойства для ряда произведений и создавать свертхтекст, когда являются носителями константных представлений — константных мифологизированных представлений, мифологем или мифов.

²³ Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. — Т. 1: Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — С. 194.

²⁴ Силантьев И. В. Поэтика мотива / И. В. Силантьев; отв. ред. Е. К. Ромодановская. — М.: Яз. славян. культуры, 2004. — С. 96.

²⁵ Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX в. / Б. М. Гаспаров. — М.: Наука: Изд. фирма «Вост. лит.», 1994. — С. 30.

Миф и архетип

По К. Юнгу, «*архетипы* — устойчивые структуры, независимые от сознания, заключающие в себе опыт всех предшествующих поколений и одинаковые во все эпохи у всех народов»²⁶. В этом смысле архетип близок мифу, как, собственно, и концепту. Главная черта архетипа — его укоренённость в бессознательном и, следовательно, универсальность. К тому же архетип понятийно статичен (несюжетен), как и концепт, и именно поэтому не может создавать сверхтекст самостоятельно, в отрыве от мифа.

Миф и символ

Традиционный символ так же универсален, как и архетип. Художественный символ — либо «знак, обладающий той или иной степенью предметной конкретности, но используемый для выражения смысла, выходящего за пределы семантики, непосредственно заданной предметностью этого знака, либо образ, который функционирует как знак (т. е. выражает посторонний для этого образа смысл), не утрачивая при этом собств.<енной> естеств.<енной> семантики»²⁷. «Сохраняя исходное значение языкового знака, символизация резко расширяет область его смысла»²⁸. При этом универсальные символы являются производными мифа и в этом смысле участвуют в формировании сверхтекста. Индивидуально-авторская символика также является производной индивидуально-авторского мифа и тоже способна участвовать в создании сверхтекста. При этом, конечно, следует понимать, что понятийность символа (как и концепта, и архетипа) не позволяет ему самостоятельно формировать сверхтекст. Как справедливо заметил А. Ф. Лосев, «...всякий миф есть символ, но не всякий символ есть миф»²⁹.

Миф и интертекст

Интертекстуальность более, нежели иные художественные приёмы, способна связывать тексты, причём не имеет значения, сколь широко рассматривается данное явление: либо (в узком смысле) как «сознательные и/или бессознательные отсылки к др. текстам», либо (в широком) как «совокупность всех возможных форм взаимоотношений между текстами (аллюзия, пародия, подражание, цитата и др.)»³⁰. Но главным в данном случае остаётся всё-таки то, что автор, отсылая читателя к другим текстам, расширяет возможности своего произведения. Причём он может связывать тексты разными аспектами и, что нередко, неожиданными их свойствами, мотивами, образами, композиционными приёмами и прочим. И, наверное, было бы возможно говорить об

²⁶ Бакусев В. М. Юнг (Jung) Карл Густав [Электронный ресурс] / В. М. Бакусев // Большая российская энциклопедия. — URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/4932432> (дата обращения: 29.07.2022).

²⁷ Нестерова О. Е. Символ [Электронный ресурс] / О. Е. Нестерова // Большая российская энциклопедия. — URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/3662454> (дата обращения: 29.07.2022).

²⁸ Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н. Д. Титаренко. — Т. 1: Н. Д. Титаренко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — С. 25.

²⁹ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. — [2-е изд., испр.]. — М.: Искусство, 1995. — С. 145.

³⁰ Махов А. Е. Интертекстуальность [Электронный ресурс] / А. Е. Махов // Большая российская энциклопедия. — URL: <https://bigenc.ru/literature/text/2014953> (дата обращения: 29.07.2022).

интертекстуальности как фундаменте сверхтекста, если бы не одна существенная деталь: в интертекстуальных связях невозможно появление центра (ядра), к которому могли бы стремиться разнородные тексты, поскольку интертекстуальность в каждом отдельном случае преследует разные цели (приращение смысла, проведение аналогий и т. д.). Миф же (и неомиф в том числе) в основе своей неизменен и всегда (если не брать во внимание нюансы) преследует одни и те же цели (информационные, образные, идейные и т. п.).

Виды ассоциативно-смысловых сверхтекстов по типу референта

А. Г. Лошаков в своей докторской диссертации и ряде работ по теории сверхтекста³¹ ввёл и описал разные принципы классификации сверхтекстов (по типу фигуры автора, по типу адресата, по принципу усматриваемой целостности, по типу структуры, по степени связности и по степени жесткости), но самым существенным элементом этой классификации, естественно, стала смысловая классификация сверхтекстов — классификация сверхтекстов по типу референта, предусматривающая разделение сверхтекстов на *топический* (у А. Г. Лошакова — *локальный*, в других вариантах встречается также термин *топосный*), *именной* и *событийный*.

Именной сверхтекст

В именованном сверхтексте сегодня можно выделить два его подвида — *персонический* и *персонажный* тексты.

Персонический текст — именной сверхтекст, базирующийся на «тексте жизни» писателя (художника, учёного, политика и т. п.), значимого для общественного сознания и воспринимаемого в качестве либо всемирно, либо национально, либо культурно и проч. значимого персонического концепта, являющегося ядром сверхтекста (в данном случае ядро сверхтекста имеет экстралитературный характер и первоначально с литературой не связано), который может быть воплощен автором в следующих формах: 1) в его собственных литературных произведениях (пример: образ Автора в пушкинском «Евгении Онегине»), письмах, дневниках, записках; 2) в художественных произведениях, письмах и текстах мемуарного характера его современников; 3) в произведениях, письмах, мемуаристике писателей последующих литературных эпох; 4) в более поздних произведениях литературно-критического, литературоведческого, культурологического, философского, научного содержания, а также публикациях в средствах массовой коммуникации, то есть в корпусе метатекстов, которые либо невольно поддерживают уже существующие мифы (константные мифологизированные представления) о личности, либо, опровергая их, создают новые.

Персонажный текст — именной сверхтекст, строящийся на основе константных мифологизированных представлений о фольклорных, мифологических

³¹ Лошаков А. Г. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования / А. Г. Лошаков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008. — № 11 (66). — С. 100–109; Лошаков А. Г. Об авторской парадигме сверхтекстов / А. Г. Лошаков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008. — № 12 (67). — С. 50–57; Лошаков А. Г. О принципах моделирования сверхтекста / А. Г. Лошаков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2018. — № 5. — С. 70–80.

или литературных героях, которые также являются всемирно, национально и культурно значимыми и поэтому представляющими собой концепты, образующие ядра сверхтекста. В данном случае ядро находится в древнем мифе (устойчиво) и (формально) в фольклорном или литературном произведении, однако в связи с тем, что прецедентный для появления персонажа текст в последних случаях выявить невозможно, ядро выделяется умозрительно и находится условно *над* всеми произведениями, формирующими сверхтекст (а следовательно, *вне* них). Сюда же относятся персонажи антропоморфные (такие, как чеховская Каштанка, лемовский «разумный» океан Соляриса и под.), которые условно могут формировать свои сверхтексты (в данный момент не выявленные).

При этом персонажный текст следует отличать от элементов *интертекстуальности* и *мотивности*, присутствующих в ряде литературных художественных произведений (а также в эпистолярной и мемуарной литературе). Необходимо помнить, что в основе сверхтекста лежит национально (всемирно, культурно) значимый концепт, являющийся ядром сверхтекста, но текстообразующими элементами являются мифологемы (константные мифологизированные представления), формирующие миф о явлении (в данном случае персонаже). Интертекстуальность намечает связь одного произведения с другим, мыслью одного автора с мыслями другого, расширяет границы восприятия эстетического объекта, но не формирует константные мифологизированные представления. Так, первые строки цикла И. Бродского «Двадцать сонетов к Марии Стюарт»: «Земной свой путь пройдя до середины, / я, заявившись в Люксембургский сад, / смотрю на затвердевшие седины / мыслителей...», — ожидаемо отсылают к начальным словам «Божественной комедии» Данте в переводе М. Лозинского («Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу, / Утратив правый путь во тьме долины»), которые обогащают содержание «Сонетов», создают ощущение величия поэтического пути, его безначальности и бесконечности, но не формируют мифа. Подобное же можно сказать, например, о строках из грибоедовского «Горя от ума», которые, по меткому выражению И. А. Гончарова, публика «разнесла... на ключья, на стихи, полустихия, развела всю соль и мудрость пьесы в разговорной речи, точно обратила мильон в гривенники, и до того испестрила грибоедовскими поговорками разговор, что буквально истаскала комедию до пресыщения»; и эти поговорки стали, конечно, неизмеримо большим, нежели просто обогащением языка и разговорной речи, они своим содержанием во многом изменили национальное мышление, но мифа не создали, а следовательно, не создали и сверхтекста. Так же и бабочки В. В. Набокова, несмотря на их связующее значение для произведений писателя, образный и символический смысл, являются мотивными элементами и не образуют сверхтекст, поскольку не несут в себе мифологизированных представлений о действительности и сами не формируют константных мифологизированных представлений.

Событийный сверхтекст

В событийном — наименее изученном — сверхтексте мы выделяем два его возможные варианта: *казуальный* и *эпохальный* тексты.

Казуальный текст — событийный сверхтекст, формирующийся благодаря национально (всемирно, культурно и т. п.) значимому историческому событию, которое воспринимается как национально (всемирно, культурно и т. п.)

значимый событийный концепт, являющийся ядром сверхтекста (понятно, что такой концепт не может быть порождением литературного произведения, это явление экстралитературное и находится всегда вне сверхтекста, им порождённого). Константные мифологизированные представления, собирающие тексты разных авторов и эпох в единый сверхтекст, формируются благодаря представлениям об историческом событии, закреплённым в художественных литературных произведениях и неизменным с течением времени. Низвержение и переосмысление мифов, связанных с событием, приводят в действие механизмы де- и ремифологизации, порождая новые мифы, которые, закрепляясь, расширяют границы сверхтекста.

Эпохальный текст — событийный сверхтекст, строящийся на константных мифологизированных представлениях не одного большого события, а ряда небольших, но объединённых смысловой общностью. Центр (ядро) такого сверхтекста всегда есть концепт исторической эпохи, включающей в себя цепь исторических, культурных, бытовых, научных и т. п. событий, её формирующих. Мифологемы (константные мифологизированные представления) эпохи формируют данный текст. А поскольку взгляды на эпоху могут меняться, то это (так же, как и в случае с казуальным текстом) может служить ниспровержению и переосмыслению прежних мифов и насаждению новых, которые также заметно расширяют границы данного сверхтекста.

Топический (пространственный) сверхтекст

В самом изученном на сегодняшний день топическом сверхтексте, который до сих пор называют и топосным, и локальным, чётко выделяются два вида сверхтекста — *локальный* и *региональный*.

Локальный текст — топический сверхтекст, строящийся на основе константных мифологизированных представлений о конкретном месте, имеющем четкие границы, — населённых пунктах (городе, посёлке, селе, хуторе), географических объектах, как наземных (гора, поле, поляна, сад и под.), так и подземных (пещера и т. п.) и водных (море, бухта, озеро, река и под.). Центр (ядро) локального сверхтекста всегда находится вне литературного текста и является национально (всемирно, культурно и под.) значимым концептом (Петербург, Москва, Париж, Лондон, Венеция, Флоренция, Казбек, Ладога, Днепр и т. п.). Формировать этот концепт может не только реальный локус, но и вымышленный (например, щедринский Глупов, гриновские Лисс, Каперна и др., Фёдор-Кузьмичск Татьяны Толстой или Хогвартс Дж. Роулинг); в этом случае ядро сверхтекста находится несомненно внутри произведения или цикла произведений (правда, неустойчивое положение, например, у ядра города Глупова, под которым подразумевается Россия в целом, или у города Фёдора-Кузьмичска, который, как известно читателю, когда-то являлся Москвой). Создает локальный текст локальный миф, состоящий из константных мифологизированных представлений (мифологем) о данном месте, сложившихся на протяжении всех периодов развития национальной литературы и закреплённых в литературных произведениях и читательском сознании (в случае с вымышленными локусами это, конечно, не работает).

Региональный текст — топический сверхтекст, формирующийся на основе константных мифологизированных представлений о регионе, имеющем условные границы и нередко строящемся на основе совокупности локальных текстов. В основе регионального текста лежит национально (всемирно,

культурно и т. п.) значимый топический концепт, являющийся ядром сверхтекста; это концепт большой территории (понятно, что административные границы при таком рассмотрении значения не имеют). В одних случаях в силу географического положения территория оказывается более замкнутой (Крым, Гренландия, Исландия, Австралия, Италия, Испания, Франция и под.), в других — менее (Кавказ, Полесье, Русский Север, Сибирь, Тибет и под.). Региональный текст менее однороден, нежели локальный, именно потому, что включает в себя ряд локальных текстов, которые в разное время играли разную роль в формировании константных представлений о регионе. Соответственно и константные мифологизированные представления в таких случаях могут преодолевать семантический объём мифологемы и вырастать до мифа. При этом региональный миф будет строиться на основе нескольких мифов, рождённых в разные эпохи, и таким образом структурировать региональный текст (например, выделение в едином крымском мифе мифа о Крыме как месте христианских чудес — колыбели русского православия, мифа о Крыме как восточной мусульманской стране, мифа о Крыме как античном мире, мифа о Крыме как райском саде, мифа о Крыме как курортном крае, мифа о Крыме как всесоюзной здравнице и т. п.).

Субтекст и его роль в ассоциативно-смысловом сверхтексте

Поскольку и событие, и личность могут проявлять себя только во времени и пространстве, а пространство прежде всего было выделено исследователями как сверхтекстообразующее, можно говорить о смешанных сверхтекстах, а именно персонических, персонажных, казуальных, эпохальных в той или иной мере несвободных от локальных и региональных параметров. В таком случае речь идёт о субтекстах того или иного сверхтекста.

Субтекст — «законченная в смысловом отношении самостоятельная часть текста»³². Субтекст в составе сверхтекста — также сверхтекст, но иной природы. Чаще всего, если мы имеем в виду ассоциативно-смысловой сверхтекст, это структура, сопутствующая описываемому сверхтексту в силу того, что субтекст какой-то своей стороной входит в выявляемый сверхтекст. Так, например, событийный текст крещения князя Владимира в Корсуне («Повесть временных лет» и др.) самим фактом того, что данное событие происходит на крымской земле входит в топический крымский текст. Также и событийный текст Крымской войны («Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого и под.) становится субтекстом топического крымского текста. Так, по мнению А. Г. Лошакова, именно Ломоносовский текст является субтекстом топического Северного текста³³. И т. д. То есть практически любой сверхтекст имеет семантико-политекстуальную структуру, и только от интерпретатора-исследователя зависит, какой сверхтекст в данный момент исследования является основным, а какой считать его субтекстом.

³² *Нелюбин Л. Л.* Толковый переводоведческий словарь [Электронный ресурс] / Л. Л. Нелюбин. — 3-е изд., переработ. — М.: Флинта: Наука, 2003. — URL: <https://pervodovedcheskiy.academic.ru/1692/субтекст> (дата обращения: 02.07.2022).

³³ См.: *Лошаков А. Г.* Ломоносовский текст как персонический сверхтекст и субтекст Северного текста русской литературы (введение в тему) / А. Г. Лошаков // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: монография. Т. 1. / сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. — Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. — С. 326–388.

ТЕКСТОВОЕ ЕДИНСТВО КАК СВЕРХТЕКСТ

Текстовое единство: общие замечания и вопросы границ

«Типология сверхтекстов, — пишет А. Г. Лошаков, — ...не может быть построена на основе однородных признаков»³⁴. Высказывая это утверждение, исследователь прозорливо подчёркивает разницу между ассоциативно-смысловым типом сверхтекста и такой разновидностью сверхтекста, как текстовое единство, но по какой-то причине не разграничивает их.

Рассматривая «одни и те же совокупности текстов в разных аспектах, комбинациях и соотношениях»³⁵ и предпринимая классификацию сверхтекстов, А. Г. Лошаков начинает эту классификацию с *авторских сверхтекстов*, выделяя при этом «*собственно авторские* сверхтексты» (среди которых «1) индивидуально-авторские; 2) коллективно-авторские; 3) анонимно-авторские») ³⁶ и *квазиавторские* сверхтексты.

«*Собственно авторские* сверхтексты, — пишет исследователь, — представляют собой объединения текстов одного или нескольких авторов, включая случаи, когда автором выступает некое обобщенное лицо, народ как автор»³⁷. Именно поэтому, по мнению А. Г. Лошакова, сюда относятся тексты *индивидуально-авторские* («все тексты того или иного конкретного автора (авторов); тексты, написанные им (ими) в определенный период творчества, на определенную тему, посвященные тому или иному лицу») ³⁸, *коллективно-авторские* («сверхтексты-журналы, сверхтексты-газеты, сверхтексты-сборники <...> целостность многих таких сверхтекстов мотивирована общностью мировоззренческой позиции коллективного автора (или коллектива авторов, редакции), своего рода ангажированностью ("Московский телеграф" братьев Полевых, сборник "Вехи", "Новый мир" Твардовского)» ³⁹) и *анонимно-авторские*, которые он выделяет вслед за Н. А. Купиной и Г. В. Битенской («сверхтексты с обобщенной анонимной авторской позицией» (в качестве примеров исследователь называют сверхтексты о Штирлице и Мюллере, о Василии Ивановиче; сверхтексты-лозунги), а также «сверхтексты с обобщенным характеризованным образом автора» (в качестве примера называется лагерная поэзия сталинской эпохи)»⁴⁰). «*Квазиавторскими* сверхтекстами — пишет исследователь, — ...можно назвать те, которые возникают в издательской практике. Это так называемые составленные сверхтексты: различного рода сборники, альманахи, подборки, периодические издания, компоновка которых производилась не автором»⁴¹. Следует сказать также, что А. Г. Лошаков справедливо пишет о «диффузности» «границ между коллективно-авторскими и квазиавторскими сверхтекстами»⁴², поскольку, действительно, трудно провести грань между теми журналами, в которых безусловно заметна редакторская

³⁴ Лошаков А. Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология: дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.01 / А. Г. Лошаков; [Московский пед. гос. ун-т]. — М., 2008. — С. 236.

³⁵ Лошаков А. Г. Об авторской парадигме сверхтекстов / А. Г. Лошаков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008. — № 12 (67). — С. 51.

³⁶ Там же. С. 52.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 52–53.

⁴¹ Там же. С. 53.

⁴² Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru